

Михаил Александрович БОГАТОВ

*доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической
и социальной философии Саратовского
государственного университета имени
Н.Г. Чернышевского*

Синергийная антропология Сергея Сергеевича Хоружего

В 2004 году саратовские аспиранты, задумали выпускать свой теоретический альманах «Res Cogitans». В тот год с серией публичных лекций на философский факультет СГУ был приглашен Сергей Сергеевич Хоружий. Тогда-то с интервью о положении дел в современной философии, которое открыло первый номер альманаха¹, и началось наше общение. О синергийной антропологии в тот год речь не шла, С.С. Хоружий был известен как переводчик Джеймса Джойса (соавтор перевода Виктор Хинкинс умер в 1981 году, после этого Хоружий фактически заново перевел весь роман). Его увлеченность творчеством знаменитого ирландца сохранилась до последних дней, но он так и не успел осуществить давно запланирован-

¹ Интервью было взято 11 октября 2004 года, вопросы помимо меня задавал еще и Александр Ромашенко. Опубликовано в: *Хоружий С.С. Несколько замечаний о философской ситуации // Res Cogitans. № 1. Теоретический альманах. Саратов: Научная книга, 2005. С.10–15.*

ный проект по первому изданию на русском языке полного собрания сочинений Джойса. Многие слушатели его лекций уже тогда признавали лишь одного Хоружия — либо автора новой версии «русской религиозной философии» (так его воспринимала и часто продолжает воспринимать современная интеллектуальная публика), либо переводчика-новатора «Улисса». Удивительно, как в нем уживались два этих, чаще совершенно параллельных, а изредка и противоречащих друг другу интереса. Позже, побывав в гостях у Сергея Сергеевича, я увидел, как пространственно они разделены: в одной комнате — философская и научная библиотека, в другой — рабочий кабинет (с иконостасом в красном углу), а вот на лоджии — «мой уголок Джойса», который Сергей Сергеевич именно так и называл. В этом «уголке» помимо его собственных изданий перевода в различных публикациях хранились английские издания Джойса, а также атрибуты первого Блумсдэя в Москве (проведенного в 1995 году), который празднуется ежегодно 16 июня, в тот единственный день, когда разворачиваются события «Улисса».

Отличительными чертами С.С. Хоружего были его ответственность, работоспособность, тщательность и непреходящая серьезность, независимо от того, каким делом он в данный момент был занят. На летних школах по синергийной антропологии, проводимых в Казани и Нижнекамске, Сергей Сергеевич выглядел всегда бодрым, прекрасно плавал в быстротечной Каме, работал с утра до ночи на сессиях, а по ночам — над своими статьями и переводами. Его энергия позволила открыть Институт синергийной антропологии при Институте философии РАН и при Высшей школе экономики. Помимо изданий своих трудов (на разных языках) он еще работал над альманахом «Фонарь Диогена»¹.

¹ Важно различать альманах, фундаментальную для проекта синергийной антропологии монографию Хоружего под тем же названием (см.: *Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии*. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2010), а также коллективную монографию (Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Отв. ред. С.С. Хоружий. М.: Прогресс-традиция, 2010).

В последние три года жизни Хоружий принимал активное участие — в качестве одного из соорганизаторов — в проведении Библихинских чтений, проводимых на родине Владимира Вениаминовича в г. Бежецке. (Сергей Сергеевич скончался прямо накануне проведения Вторых Библихинских чтений в 2020 году.)

Важнейшим жизненным научным проектом Сергея Сергеевича была синергичная антропология. Для того чтобы выявить особенности проекта синергичной антропологии Хоружего в сравнении с иными проектами современной философии, необходимо вооружиться установкой Аристотеля, который рекомендовал идти в познании от ближайшего к нам к ближайшему по природе. Сам Хоружий синергичную антропологию философией не считал, несмотря на то что его выступления, доклады и презентации чаще всего числились именно по философским конференциям и мероприятиям, а его имя больше известно в философском сообществе. Это обстоятельство постоянно понуждало его заявлять о том, что философией он, собственно, не занимается. Как же соотносятся между собой синергичная антропология и философия? Здесь возможно несколько вариантов ответа. Первый — философия для синергичной антропологии лишь одна из многих дисциплин (наряду с теологией, социологией, психологией, антропологией и даже виртуалистикой), которая предоставляет для методологического каркаса синергичной антропологии свои данные, приемы и методы. Так позиционировал свой проект сам С.С. Хоружий. Но в силу того обстоятельства, что разрабатывался этот проект в философском сообществе, сформировался и второй ответ, заключающийся в том, что синергичная антропология, несмотря на заявления ее создателя, — это просто один из изводов современной философии, которая в эпоху постмодерна гордится своим многообразием и пестует всевозможные различия. Самопозиционирование Хоружим синергичной антропологии как нефилософии сходно с тем, как Хайдеггер после «поворота» не называл свою деятельность философией, хотя вряд ли найдется хоть один исследователь, который сказал бы, что Хайдеггер философом не был.

Специфика проекта Хоружего состоит в том, что синергичной антропологией интересуются в первую очередь философы, но при этом сам автор синергичной антропологии отрицает ее причастность к философии. Этот, казалось бы, внешний момент, касающийся не сути дела, но лишь проблемы внешнего позиционирования, тем не менее погружает нас в самое существо проекта синергичной антропологии. Сам Сергей Сергеевич, будучи физиком, был готов принимать для своей науки жесткие правила. Физик в собственных исследовательских целях не волен изменять законы природы для того, скажем, чтобы изобретаемая им технология «более эффективно» работала. Подобно художнику, пишущему по канону, физик вынужден учитывать навязанные ему извне и существующие до него ограничения, не просто мирясь с ними, но задействуя их в свою пользу. Точно так же проект синергичной антропологии закладывает в свою методологическую основу совершенно на первый взгляд внешнее «ядро», а именно «онтологию» исихазма, как ее зафиксировала святоотеческая традиция и более поздние религиозные философы, которые к ней обращались. Так ограничивается прямая связь синергичной антропологии и философии. Если религиозные философы, например о. Павел Флоренский, обращались к исихазму ради собственно философских целей, то Хоружий, обращаясь к исихастской «картине мира», делает это не для построения собственной оригинальной философии, он воспринимает ее как данность, как саму реальность, подобно тому как физик не может не относиться к открытым и зафиксированным предшествующей наукой законам природы. Избрав в качестве данности сложившуюся жесткую нефилософскую онтологию и антропологию исихазма, Хоружий приступает к разработке своего проекта. Все, что он мог бы сказать об устройстве мира и о том, как в этом мире действовать, таким образом, было уже сказано до него в более чем тысячелетней традиции. Эта ситуация противоречит философии с ее установкой на свободный поиск истины и выбор поступка. Поэтому Хоружий утверждал, что философией он не занимается. Позиция философского сообщества, считавшего

синергийную антропологию одной из версий современной философии, критиковалась Хоружим.

Чем же выделяется проект С.С. Хоружего на фоне иных философских концепций современности? Избранная им в качестве отправной точки исихастская «картина мира» сама дает нам ответ на подобный вопрос. Этот мир, в отличие от деконструкции Деррида, вводящего новые различия в прежде неразличаемое и тем самым полностью стирающего прежние различия, изначально раз и навсегда фиксировано иерархичен. В первую очередь речь идет об онтологической пропасти между Богом и человеком, его творением. Всерьез говорить об этой кажущейся глубоко архаической средневековой дихотомии в рамках философии сегодня кажется полностью безнадежным делом. Если в эпоху Серебряного века в России эта тематика присутствовала в философских исканиях, то на Западе в то же самое время философия занималась иными вопросами, а христианская онтология стала уделом исключительно теологов. Неудивительно, что, когда Хоружий заявил о себе как исследователь русской религиозной философии, профессиональное сообщество проявило единодушие, присвоив ему ярлык продолжателя русской религиозной философии, появившегося спустя более чем через полвека после трагического обрыва традиции.

По поводу исихазма Хоружий отмечает: «Конечно, аскетическую традицию какими-то методами и средствами изучали всегда, она всегда присутствовала в некоей ячейке научного познания. Но теперь требовался коренной пересмотр этого изучения: требовалось изучение традиции уже не историками религиозности, которыми она по преимуществу изучалась, а изучение ее как актуального опыта, с позиций современной теории опыта, то есть, прежде всего, герменевтики и эпистемологии. Все это и пришлось делать»¹.

Подобно тому как многие слушатели и читатели Хоружего смешивали понятие «синергии» из современной синергети-

¹ Хоружий С.С. Лекции по введению в синергийную антропологию // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Отв. ред. С.С. Хоружий. М.: Прогресс-традиция, 2010. С. 848.

ки, основанной на математической теории хаоса и поведении открытых систем из физики, с «синергией» из паламитского учения (сорботничество человека и Бога на уровне божественной и человеческой энергий, благодаря их онтологической несопоставимости), точно таким же образом стремились прочесть в «антропологии» из «синергийной антропологии» современную и известную нам антропологию, получившую столь широкое распространение и упрочившую свои позиции на всем протяжении XX века. Но в той же степени, в которой синергийная антропология не философия, она не является и антропологией. Какого именно человека изучает современная антропология? Это точно не античный человек, живущий полисной жизнью и стремящийся к обретению счастья в дружеском кругу (как пишет Аристотель). Это и не мистический неоплатоник, который, воспользовавшись аскетическими практиками стоиков (в частности, достижением бесстрастия, апатии), стремится вернуться к Единому в своем чисто интеллектуальном созерцании (впрочем, не лишенном чисто религиозного пиетета). Это и не человек эпохи Средних веков, который устремлен к обретению личного спасения (сотериологические усилия) и ожидает конца света (эсхатологические настроения). Это и не человек эпохи Возрождения, который видит в природе воплощение божественного начала, и не человек эпохи Просвещения, который стремится покорить природу, открывая ее законы и новые земли и жаждущий довести до «цивилизованного» уровня людей иных племен и народов. Во второй половине XIX века, когда Ницше ставит человеку современности диагноз — нигилизм, начинается обретать силу современная антропология. Как отмечал Хайдеггер, наука о человеке появляется тогда, когда человек становится проблемой. Все предыдущие эпохи были отмечены одной особенностью: человек понимал себя через стремление к тому, что больше его, что его определит и определит, одновременно указывая ему на то, к чему стремиться, и на то, что именно следует преодолевать. Эти ориентиры человек выбирал добровольно, поскольку они казались ему лучшими и благими, дарующими счастье и гармонию. Это не означает, что

подобные определяющие вещи должны даваться человеку легко, напротив, счастливо дружить не менее трудно, чем слиться в интеллектуальном экстазе с Единым или же «воспитать» не желающих даже ценой смерти «воспитываться» туземцев.

Так каким же человеком занята современная антропология? Современная антропология не просто изучает «объективный предмет», но она формирует его, участвует в образовании безразличного и бессильного, растерянного человека. Ни современный человек, ни современная антропология *действительно* не знают, *как* быть. На «помощь» приходят наука (в первую очередь — медицина, что отлично уловил Мишель Фуко) и «силовая», правовая дисциплина (предписывающая якобы «нейтральные» законодательные и правовые правила поведения для всех без исключения, т. е. безразлично). Основным следствием такой «помощи» (некоторые положительные последствия которой сложно отрицать) выступает редукция, сведение человека к тому, что меньше его, или, говоря словами платоновского «Парменида», сведение части к целому — и попытка объяснения последнего через первую. В таких условиях иерархизм позднего Средневековья вряд ли может найти поддержку в рамках современной антропологии. В этом пункте отличие проекта Хоружего от антропологии как таковой еще более принципиально и разительно, чем отмеченное отличие его проекта от современной философии (для Сергея Сергеевича синергичная антропология — это вершина любой возможной антропологии, учитывающей недостатки и преимущества иных антропологических школ различных эпох и направлений). Хоружий кладет в основание своего проекта онтологию и антропологию человека и мира из сформированной в течение более чем тысячелетия (до Паламы) традиции исихазма.

Подобный выбор современному человеку может показаться свидетельством слепоты, если бы не один факт: Хоружий не помещает (как мы, гуманитарии, наученные двумя последними веками историзма) исихазм с его картиной мира на полку прошлого. Он никогда четко не фиксирует значимость эпохи,

века, года и контекста, в которые исихастскую картину мира можно было бы запечатать и тем самым «обезвредить». Напротив, через все свои основополагающие тексты он проводит непрерывность этой Традиции (он ее всегда упоминает с прописной буквы), обнаруживая сходные формулировки в Евангелии, у Макария Египетского и Григория Паламы. Для него это свидетельство верности *окончательно* зафиксированной и *полностью* сформированной в исихазме картины мира *человека как такового*.

С. С. Хоружий воздвигает свой проект синергийной антропологии на основании картины мира, представленной в исихазме и православной традиции в целом. Он открыто говорит: «Исихастская наука о человеке лишь начинается там, где заканчивается наука обычная»¹. При этом не следует думать, что Хоружий ратует за то, чтобы в науке о человеке сегодня восторжествовало бы исихастское мировоззрение. Приведем фрагмент из лекций по синергийной антропологии, где слушатели задают Хоружему этот важный вопрос: «*Вопрос:* В синергийной антропологии есть понятия образа Божия, подобия Божия, обожения? *Ответ:* За вычетом концепта обожения, который служит соединительным звеном между богословием и аскетикой, это — словарь богословия, это не антропологические понятия. Почему же они должны быть в синергийной антропологии? Они там, где они должны быть»². Сергей Сергеевич занят наукой, а не стремится привнести в современность в качестве новинки устаревшие исихастские воззрения, воспользовавшись незнанием большей части современников о былом.

Так почему же именно синергийная антропология? В первую очередь потому, что она не обладает ни одним из недостатков, о которых мы говорили в связи с современной антропологией: здесь человек стремится и взаимно стремим (посредством постоянной синергии) к тому, что, во-первых,

¹ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 68.

² Хоружий С. С. Лекции по введению в синергийную антропологию // Фонарь Диогена. С. 873.

больше и лучше него (Богу) и что, во-вторых, дает ему возможность обретения личной, именно его, собственной полноты. Ключевым, на наш взгляд, тут является вопрос о боговоплощении Христа и обожении человека. Бог во Христе стал человеком, человек в своей любви к Богу может стать Богом. В этом чрезвычайно важном для всей синергичной антропологии Хоружего моменте кроется ответ на вопрос: почему же именно антропология? В своем «Аналитическом словаре исихастской антропологии», в статье об обожении, Хоружий говорит о «прочтении христологии как антропологии»¹. Христианство в целом, православие в частности, исихазм конкретно дают целостное и небезнадежное понимание природы человека. Не вдаваясь в подробности, прекрасно изложенные самим автором, поясним лишь один момент, связанный с соотношением христологии (то есть знания о Христе) и антропологии (то есть знания о человеке) в аспекте Преображения Христова. По поводу этого события Хоружий говорит: «Это священное событие порождает понятие антропологии»². Со стороны могло бы показаться, что сошествие Духа Святого на Христа (событие Фаворского света) преобразило человека-Христа в Бога-Христа, и поэтому каждый человек получил возможность для собственного преобразования. Но это совсем не так. Интерпретация Хоружего здесь гораздо тоньше. Во-первых, само «Преображение Христа» самого Христа не касается. Хоружий здесь цитирует Вл. Лосского: «Для Христа никакого изменения в этот момент не произошло, даже и в Его человеческой природе, но изменение произошло в сознании апостолов»³. Из этого следует, во-вторых, что Преображение касается именно учеников, обычных людей, поэтому для толкования этого события «должно приниматься не христологическое, но антропологическое прочтение»⁴. «Преображение было созерцанием Фаворского света апостолами, но оно же было и вхождением их в сферу совершенного Божественного

¹ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. С. 152.

² Там же. С. 175.

³ Там же.

⁴ Там же.

общения»¹. Для Хоружего здесь важно сфокусировать внимание именно на апостолах, ведь они вступили в событие синергии посредством усмотрения Фаворского света. Это событие преобразовало все устройство чувств этих людей: именно поэтому тут не христологические выводы, но антропологические. Без этого события люди оставались бы такими же, какими были всегда. Без этого события мы бы не узнали, что столь несовместимые божественная энергия и человеческая энергия могут встретиться, выступить в соработничестве и принести свои продуктивные для человека плоды. Без этого события, причем именно в таком его толковании, была бы невозможна синергийная антропология.

В заключение отметим существенные особенности синергийной антропологии. Во-первых, сам Хоружий позиционирует свой проект предельно открытым: синергийная антропология, не ставя под сомнение исихастскую картину мира, открыта для каждого. Во-вторых, синергийная антропология не дает нам (как это делали и продолжают делать различные идеологические системы) окончательную картину мира.

В синергийной антропологии человек характеризуется одновременно измерениями, или, как называет их Хоружий, *топиками*, описывающими структуру личности и идентичности. Сергей Сергеевич называет их *онтологической*, *онтической* (или *а*) и *виртуальной* соответственно. Разделение на онтологию и онтику почерпнуто им из философского словаря Хайдеггера. Пары «онтология—онтика» («бытие—сущее») и «подлинное—неподлинное» если и коррелируют друг с другом, то не совпадают. У Хайдеггера подлинное и неподлинное пронизывают онтологическую дифференцию бытия и сущего, но Хоружий не считал себя хайдеггерианцем. В исихазме вопрос о подлинности и неподлинности решается гораздо «проще» и радикальнее, чем у Хайдеггера (последний, по мнению многих исследователей, оставлял его намеренно *открытым*). Поэтому для синергийной антропологии сближение этих хайдеггеровских «оппозиций» вполне допустимо. Но Хоружий вво-

¹ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. С. 175.

дит еще одно отличие, «дополняя» хайдеггеровскую онтологическую дифференцию.

Введение топик позволяет Хоружему в синергичной антропологии выйти за пределы иллюзорной вневременности положений и предпринять попытку написания особой истории человека. В такой истории онтологическая топика, характеризующая эпоху синергичного общения человека и Бога, обладает явным преимуществом. Онтическая топика в целом характеризует уже описанную нами выше позицию растерянного человека, который, несмотря на все достижения цивилизации, остается в совершенно бессознательном состоянии по отношению к самому себе. Виртуальная топика привносит в историю «растворение» человека: человек, избирая себе идентичность «по вкусу», пользуясь возможностями современной медицины и компьютерных технологий, фактически «пересобирает» себя — но уже не в человека, а в иное существо, для которого, возможно, в будущем нужна будет своя «антропология» (но таковой ее уже в строгом смысле называть будет нельзя, поскольку ни о каком «антропосе» в собственном смысле речи уже идти не будет). Подобный подход к истории человека может отдаленно напоминать «историю бытия» Хайдеггера, поскольку для последнего «подлинная» эпоха оставлена там, где родилось первое начало (в досократическом измерении истории), в то время как сегодня мы находимся перед закатом технического века (открывающим, впрочем, путь для «другого начала»). Но на этом аналогия, в принципе, исчерпывается.

Несмотря на историческое распределение господства топик в «большой» истории человека (от архаики до наших дней), сам человек в любой момент времени (особенно современный человек), обладая различными энергиями, «разомкнут» в отношении этих трех топик. Обнадеживающий посыл синергичной антропологии заключается в том, что онтологическая топика не исчезла с лица Земли: она по-прежнему здесь. Однако ее открытость «заглушается» призывами онтической и виртуальной топик. Хоружий не оставляет без внимания онтическую и виртуальную топик, напротив, его про-

ект синергийной антропологии как раз и был призван тщательно изучать все нюансы и перипетии онтической и виртуальной топик — во всем их современном многообразии. Таким образом, проект синергийной антропологии направлен в будущее.